

Об этом человеке рассказала жительница Орла. «Он уже несколько дней в нашем дворе на трубах живет, — позвонила женщина в редакцию. — Молодой вроде. Может, в какой приют его можно определить? Жалко, честное слово».

Сколько их у нас, без крова, без дела — мыкающих жизнь. В подвалах, на чердаках, на теплотрассах...

Когда мы вошли во двор дома, неожиданно начался дождь, и, видимо, поэтому «квартиросъемщика» на месте не оказалось. На трубах — что-то вроде лежанки, рядом — пластмассовая бутылка с водой и половина хлеба.

Прошлись, заглянули в соседние дворы. Группа молодых людей, похоже здорово подогретых, расположилась на детской скамеечке. Услышав мой нелепый вопрос, не встречали ли человека с трубы, они недобро посмотрели на меня:

— Их тут много ходит. А тебе зачем? Ты что, из собеса?

Объяснить, какой именно бомж мне нужен, и, главное, зачем, я толком не смогла: «Надо с ним поговорить».

— Иди вон в мой гараж, разговаривай, — какой-то потрепанный мужичонка показал в сторону соседнего двора. — Я там приютил двоих корешей, пока тепло.

Я пошла. А что, есть возможность провести небольшое социологическое исследование. Тем более, гараж находился в людном месте — было не страшно.

В гараже, больше похожем на ветхий сарай, спал мужчина. На первый взгляд, я бы дала ему 50 лет (опухший, заросший, волосы сосульками). На самом деле ему оказалось чуть за 30. Представителя прессы встретил без особых эмоций.

— Дай на хлеб! — безапелляционно потребовал мужик и обрадовался, когда я протянула ему десятку. — Ну, тогда и на пиво добавь.

Только после «гостинцев» разговаривались.

Его история — из сегодняшнего времени. Уехал на заработки в Москву и затерялся во времени и пространстве. Вернулся через год. В квартире, где прежде жил с гражданской женой, её ребёнком и тещей, появился другой мужчина. Как сказала теща, он рукастый, уважительный и ребёнку игрушки покупает.

Устраивать разборки смысла не было, так как в квартире тещи мой собеседник все равно не был прописан и права на жилплощадь формально не имел. Но и ехать на место своей прописки тоже резона не было: его хаты в деревушке Новосильского района, где он жил, давно уже нет.

— А на работу устроиться не пробовали?

— Да кто возьмет? Трудовой у меня нет. Ну, допустим, устроюсь я на четыре тысячи, а жить где? Общежитие сейчас не дают. Да что там... — он устало махнул рукой. — Лучше бутылки собирать.

У его товарища по гаражу история посложнее. Он из заключения вернулся к разбитому корыту. Квартира, где он жил с семьей сестры, оказалась проданной. Как удалось оформить сделку — это уже другая тема. Думаю, сестра просто устала от «буйного

На обочине

ЖИЗНИ

бра-тишки» (он сам себя так назвал) и сделала все возможное, чтобы разорвать связи навсегда. А потом он и вовсе паспорт потерял. Теперь без определенного места жительства — классический бомж.

На прощание мои новые знакомые сказали, что к зиме попытаются перебраться в Верховский район: «Теткин домишко там остался. Если будем вдвоем держаться, то осилим, перезимует».

Не знаю, почему они вдруг заговорили о переезде. Похоже, не были уверены, что я действительно из газеты. Напрасно. Кому эти люди могут еще понадобиться, кроме любопытных газетчиков? А в самом деле — кому?

Мы решили выяснить, куда может приткнуться человек, оказавшийся в трудной ситуации, из которой самостоятельно выйти не получается.

Я вспомнила об орловском приемнике-распределителе. До некоторого времени туда доставляли людей без документов, без денег и без определенного места жительства. Каждый поступивший был обязан пройти дезинфекционную обработку. Больных после обработки отправляли в стационары. Здесь же занимались установлением личности. Лет пять назад решением федеральных властей приемники переименовали. Теперь они называются специальными приемниками для административных арестованных. В соответствии с этим изменился и порядок содержания и доставки людей. Сюда теперь помещают административно арестованных, а также тех, кто готовится на депортацию. То есть в это заведение попадают не в добровольном порядке.

В отделе стационарных учреждений областной службы социальной защиты населения рассказали, что в нашем городе бездомного можно определить в дом-интернат. У человека должна быть пенсия. Если её нет, значит, надо восстанавливать или заново оформлять хотя бы социальную минимальную пенсию. Над решением этих проблем работают сотрудники социальной гостиницы, или, точнее, Орловского центра социальной помощи

для лиц без определённого места жительства.

Известно, что еще в середине XVIII века общество пыталось облегчить жизнь таких несчастных, создавая Комитеты о нищих. Нечто подобное было и в дореволюционной России — богадельни для больных и стариков. Когда несколько лет назад в нашем городе началось строительство социальной гостиницы, люди говорили: «У нас строят приют». Мне кажется, слово «приют» в сознании русского человека ассоциируется с чем-то милосердным, богоугодным. Но это такое место, где «как бы хорошо ни было, а под свою крышу хочется».

Тем не менее орловская социальная гостиница никогда не пустует. Роль подобных учреждений определена специальным решением правительства. И в этом решении указаны четкие требования: человек, поступающий в данное учреждение, должен иметь документ, удостоверяющий личность, то есть паспорт или хотя бы военный билет.

Здесь принимают людей на временное проживание, моют, стригут, проводят дезинфекцию от педикулеза, дают одежду, если старая уже не подлежит «реанимации», выдают талоны на бесплатное питание. Конечно, держать человека просто так здесь тоже не будут. Ему по возможности помогают с трудоустройством через центр занятости, а также с оформлением в дом-интернат. Если в паспорте нет никакой прописки, то в центре могут выдать талон временной регистрации, по которому можно хотя бы обратиться к врачу в поликлинику.

В год через центр проходит около 500 таких постояльцев.

— Если человек хочет выкарабкаться из трудной жизненной ситуации, то мы ему пытаемся помочь, а если нет... — говорит директор социальной гостиницы И.А. Филиппова. — И всё-таки складывается впечатление, что никто, кроме наших социальных учреждений, с такими людьми не работает. А наша законодательная база, можно сказать, никакая. Года два назад в Государст-

венной Думе должен был обсуждаться проект нового закона по работе с людьми без определенного места жительства. Но этот проект до сих пор не рассматривался. А ведь людей без определенного места жительства, и при этом без документов, немало — знаю из своей практики. Можно сказать, что сейчас они выпали из поля зрения нашего общества, а этого не должно быть.

Когда я готовила материал, заметила, как неожиданно разделились мнения рядовых жителей города и тех, кто по долгу службы занимается «брошенными взрослыми». Горожане, увидев человека, который роется в мусорном ящике, чаще всего его жалуют. Женщины выносят поест, одежду, даже пытаются куда-то пристроить. Люди из социальных служб настроены более строго.

— Большинство бомжей сами не хотят изменить свою жизнь, — говорила одна из социальных работников города. — Им поможешь, направишь, устроишь — только чуть-чуть силы свои приложи! Так ведь нет — смотришь, через месяц-другой опять скитается, бутылки собирает или под забором. Не все такие, но многие.

Неожиданностью для меня стала очень скудная база данных в сети Интернет, касающаяся лиц без определенного места жительства. Газетных статей сколько угодно, а вот серьезных социологических исследований практически нет. Приведу несколько живых примеров из нашей действительности.

Александр, 56 лет. После развода с женой приехал в Орел из соседней области. Устроился на работу, дали комнату в мало-семейке. Но начал выпивать (точнее, продолжал — из-за этого и с женой разошелся). Потом перестал платить за жилье, так как денег не оставалось. Где и как подписал договор на продажу комнаты — не помнит. В результате его место в мало-семейке заняли более шустрые люди.

80-летний Михаил Иванович попал в ещё более трагическую

ситуацию. Причем этот пожилой человек безо всяких вредных привычек. Родился и жил в Москве. Как-то пустил к себе квартиранта. Тот, видимо, взял документы хозяина и каким-то образом прописал его в одном из районов Орловской области, причем в деревне, которая существует только на карте, в реальности её уже давно нет. Деда просто выдворили из квартиры.

Добрые люди помогли — отправили в московский приют. Там немного подержали, а потом решили так: если зарегистрирован в Орловской области, то и езжайка туда. Сейчас сотрудники социальной гостиницы готовят документы для переселения дедушки в дом-интернат.

Евгений, 34 года. Несмотря на возраст — хронический алкоголик. Жена с детьми терпели-терпели да и выгнали. Наверное, другой бы начал отстаивать свои права на жилплощадь, но Евгений — тихий, робкий, слабый человек. Вначале перебивался у таких же друзей, потом оказался на улице.

Татьяна, 47 лет. Приехала в Орел по распределению после техникума еще в начале 80-х. Наверное, жила бы в общежитии до сих пор, но завод, содержавший его, прекратил существование. Жильцам дали право на приватизацию. Татьяне в тот период месяцами задерживали зарплату, и она заплатила за приватизацию не смогла, а на прежних условиях оставаться не разрешалось. Уехала к гражданскому мужу в деревню, но так получилось, что спустя годы он её выгнал. А так как брак не был зарегистрирован, то защитить своё право на проживание Татьяна не смогла. В результате оказалась без дома и без работы. Сейчас живет в одном из орловских домов-интернатов.

Один мой знакомый, узнав о теме, над которой я работаю, разрешил проблему единым махом: «И правильно, что никто этих бомжей не принимает. Надо вообще всех сослать в опустевшие деревни, и пусть там живут и работают, землю возделывают и за скотиной ухаживают — хотя бы себе на прокорм. Работать не хотят!»

Не могу согласиться с таким категоричным суждением. Если только рассматривать его как один из возможных вариантов решения вопроса... Но уверена в другом: люди, рыскающие по мусорным свалкам, — позор для любого цивилизованного общества.

Итак, судя по статистическим данным, большинство людей (если только они не беженцы) попадает в страшные ситуации по своей вине. Но есть и другие истории, когда люди оказываются на улице в результате обмана, мошенничества, роковых случайностей и по причинам, не зависящим от них. И хотя бы ради этих людей общество обязано продумать четкую систему спасения своих граждан, оказавшихся в беде, ведь ни один, даже самый добродушный человек, не застрахован от неожиданных поворотов судьбы.

Ирина ПОЧИТАЛИНА.
Фото автора.

P.S. Как вы, наши читатели, выживаете в трудных ситуациях? Если в вашей судьбе или судьбе ваших близких были подобные трагические этапы, но вам удалось их преодолеть, напишите нам. Самые интересные и, главное, поучительные истории мы опубликуем.